

A portrait of a young woman with long, straight, reddish-brown hair and freckles. She is looking directly at the camera with a neutral expression. She is wearing a dark top and a brown leather jacket. The background is solid black.

АЛАЙНА САЛАХ

ДИНА

Алайна Салах

Дина

Серия «Скандал»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69538483

Аннотация

«Даже если у нас не сложилось, я желаю тебе счастья. Любить не так уж и страшно, как ты думаешь. Правда иногда бывает больно».

Это сообщение Дина написала после того, как положила на мой стол заявление об увольнении.

Представлял ли я свое будущее с ней? Нет, наверное. Впервые, не успел, во-вторых, фантазией никогда не славился. Но то, что она меня берedit и цепляет – это точно. Без нее пусто.

Между нами существует столько «но», что в пору бы выдохнуть с облегчением. Я намного старше, у меня есть дочь, а еще в Дину влюблен мой младший брат.

Но выдыхается почему-то только прогорклый сигаретный дым, и привычное одиночество больше не ощущается комфортным.

Погасив экран, я убираю телефон в карман. Хочется что-то ей написать в ответ, но подходящих слов как всегда не находится.

Содержит нецензурную брань

Содержание

1	4
2	10
3	14
4	19
5	23
6	28
7	34
8	38
9	42
10	46
11	52
12	57
13	62
14	66
15	70
16	75
17	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Алайна Салах

Дина

1

– Мне одна знакомая дала билеты на художественную выставку, – как бы невзначай роняет Диляра, увлеченно наводя порядок на рабочем столе. – Не хочешь случайно сходить сегодня? Жалко, если пропадут.

– Спасибо, но не могу, – подчеркнуто вежливо отвечаю я, перекидывая через плечо спортивную сумку. – Другие планы.

Невозмутимое выражение на лице коллеги моментально трескается, уступая место беспомощности и отчаянию. Это ее четвертое или пятое предложение о совместной вылазке за последние пару месяцев, на которое я отвечаю отказом. Нет, я не злюсь на нее за то, что за спиной сдала Ильдару место празднования моего дня рождения и тем самым помешала прийти его брату. Ведь недаром говорят: где тонко, там и рвется. Рано или поздно полупрозрачная нитка, связывающая меня и Камиля, все равно бы порвалась.

Но проводить с Дилярой время, как раньше, все равно не хочется. Невозможно системно оправдывать ее глупость природными наивностью и простодушием. Пора и ей узнать,

что инициатива всегда дрючит инициатора, а простота даже хуже воровства.

Состарилась я, что ли? Стала часто говорить пословицами.

– Дин! – жалобно пищит она, стоит мне взяться за дверную ручку. – Ты на меня обижаешься за тот случай на дне рождения, да? Ну я же как лучше хотела... Думала, тебе приятно будет, что бывший парень так сильно хочет тебя поздравить. Подумала, а вдруг вы...

– Много думаешь за других, Диляра, – перебиваю я, не оборачиваясь. – Научись для начала делать это за себя.

Чуть позже, стоя в лифте, плавно несущем меня в спортзал, я думаю о том, что, возможно, довела ее до слез. Испытываю ли я за это угрызения совести? Нет. Может быть, теперь к ней придет осознание, что использовать меня, как спасательный круг, больше не выйдет, и придется самой выходить в свет и заводить новых друзей.

– Привет, Дин, – улыбается администратор зала, Вика. – Ты сюда каждый день ходишь как на работу.

– Планирую выступить в роли фитнес-модели в следующем рекламном ролике, – подмигиваю я, забирая у нее ключи. – Посетителей много сегодня?

Вика многозначительно округляет глаза.

– Вечер пятницы, дорогая. Сама-то как думаешь? В зале пара-тройка энтузиастов, и все.

– Вот и отлично, – хмыкаю я и беззвучно иронизирую над

собой же: – Bravo, Дина. Мысли, достойные пиар-менеджера, денно и нощно трудящегося во благо привлечения новых посетителей.

Переодевшись в шорты и топ и засунув шейкер подмышку, я выхожу в зал. Отражение, встретившее меня в зеркале, заставляет улыбнуться. Спортивная пятидневка точно не проходит даром: пресс стал рельефным, а бицепс, который еще совсем недавно походил на ссохшийся березовый сучок, выглядит крепким и упругим.

Еще один очевидный плюс увольнения из автосалона – появление большого количества свободного времени. Теперь я успеваю не только тренироваться, но и посещать все значимые кинопремьеры, вечерами неспешно гулять в парке, вооружившись стаканом голубой матчи, а в выходные спать, сколько душе угодно, вместо того чтобы, наспех проглотив завтрак, садиться за ноутбук и доделывать все то, на что не хватило часов в офисе.

Воткнув наушники, я по привычке встаю на беговую дорожку и прибавляю скорость. Вика была права: помимо меня, желающих тренироваться в вечер пятницы немного, и почти всех из них я знаю: на степпере топчется Виталина с ресепшена, мечтающая к Новому году привести себя в форму после беременности, чуть поодаль со штангой приседает Андрей – завсегдатай «Холмов», приезжающий минимум раз в неделю. Пару раз он пытался пригласить меня на свидание, но я всегда отказывала. Во-первых, романы с иног-

родными меня не интересуют, во-вторых, романы меня не интересуют в принципе. По крайней мере, ближайшие лет десять. Мне и одной отлично.

– Здравствуйте, – улыбнувшись, я машу Алексею Валерьевичу – представительному дедуле лет шестидесяти пяти, с которым тоже познакомилась здесь же.

Он раскритиковал мою технику выполнения становой тяги и не отстал, пока не убедился, что я все делаю правильно. Потом мы разболтались, и, оказалось, что его офис находится в соседнем здании. Занимается, кстати, дедуля не чем-нибудь, а градостроительством, и имеет связи в высших эшелонах власти. Так выяснилось, что качая попу, можно нажать много полезных знакомств.

Мой взгляд медленно скользит по залу, беря в фокус еще неопознанного посетителя и, споткнувшись, замирает на его спине, обтянутой темно-синей, промокшей от пота футболке. Одновременно с этим кровь бросается в лицо, а пульс, и без того разогнанный бегом, учащается до критического. Я знала, что в фитнес-центр «Холмов» у Камиля есть пожизненный безлимитный абонемент, однако предполагала, что если за два месяца мы с ним ни разу здесь не увиделись, то и в будущем сможем этого избежать. Хрен вам.

Вернув глаза к экрану беговой дорожки, я прибавляю скорость. Если разогнаться посильнее, так, чтобы заныли икры, любая мысль о встрече с бывшим (или как еще можно назвать того, кто звонил каждый день, ходил с тобой на сви-

дания, занимался сексом, но не удосужился прийти на день рождения?) вылетит из головы.

Моя спина обливается потом, когда совсем рядом раздастся знакомый, по обыкновению сдержанный голос:

– Привет, Дина. Было предчувствие, что сегодня тебя увижу.

Ткнув кнопку «СТОП», я промакиваю лоб полотенцем и только после этого смотрю на Камиля. Требовалась еще пара секунд, чтобы подготовиться.

– Предчувствие тебя не обмануло. Привет, шеф.

За два месяца, что мы не виделись, Камиль несколько не изменился. К сожалению. Заново взглянув на его лицо, я была бы, пожалуй, рада насчитать несколько новых морщин, поразиться тому, какой он на самом деле старый и некрасивый, и обнаружить, что моя увлеченность им была не более, чем временным помутнением рассудка, вызванным недостатком кислорода из-за пятнадцатичасового сидения в офисе.

Но черта с два. Выглядит этот сорокалетний мамонт едва ли не лучше, чем в нашу последнюю встречу. От нашего расставания не посерел, не похудел, не обрюзг и не полысел. Жаль, очень жаль.

– Как твои дела? – Даже катящиеся по лбу бисерины пота не мешают Камиллю цепко смотреть мне в глаза.

– Хорошо, – нараспев отвечаю я. – После увольнения появилось время на спорт и отдых. Как поживает Карина?

– У нее тоже все хорошо. Мучает учителей и покоряет школу.

Я киваю: мол, понятно. Говорить нам больше будто бы и не о чем. Вернее, спросить можно еще много чего: например, как идут дела в автосалоне и справляется ли найденная мной замена со своими рабочими обязанностями; и как поживает Ильдар, с которым я практически перестала общаться. Можно, но для чего? На дружбу с Камилем я не претендую, и поддерживать разговор из вежливости – тоже не ко мне.

Очевидно, он придерживается того же мнения, потому что еще пару секунд поизучав меня глазами, сообщает:

– Ладно, не буду мешать.

Я киваю: мол, ага, не мешай уж, пожалуйста. А внутри знакомо ноет, совсем как тогда, в больнице, когда я сказала ему, что в наших отношениях нет перспектив. Хотелось, чтобы Камиль нашел аргументы, чтобы меня разубедить, но он не стал. Не пытается и сейчас.

Решив не смотреть, как он уходит, я снова увеличиваю скорость и прибавляю звук в наушниках. Но сквозь энергичный бит композиции из плейлиста с названием «Бег», все же прорываются его слова:

– Хорошо выглядишь, Дина. Отдых тебе к лицу.

Домой я приезжаю совершенно разбитая, и дело вовсе не в усиленной тренировке. Последние две недели меня почти удалось себя убедить в том, что я прожила, перешагнула... А выясняется, что все не так. Нашу короткую встречу с Камилем я успела перемотать в голове раз пять, а звучание его голоса до сих пор эхом отдается в барабанных перепонках.

Хорошо выглядишь, хорошо выглядишь, хорошо выглядишь... Дина, Дина, Дина, Дина...

Лучше бы не виделась, честное слово. Мое самодостаточное одиночество меня полностью устраивало, как и возможность снова принадлежать самой себе. Бабочки в животе, допустим, не порхают, зато вернулась трезвость ума и сконцентрированность. А сейчас, что? Всю поездку в такси думала о нем.

Разогрев упаковку гречневой лапши из супермаркета, я усаживаюсь перед телевизором и включаю любимый сериал, который на протяжении полутора месяцев скрашивал мои уединенные вечера. Главная героиня, которой везет на всяких придурков, изрядно меня веселит. Ее личная жизнь — еще большее дно, чем моя.

Треньк!

Отвлечшись на звук входящего сообщения, я заглядываю в телефон и от удивления перестаю жевать. Да что происхо-

дит? Парад планет? Солнечное затмение? Рак в рыбе?

Не успела я оправиться от встречи с Юсуповым-старшим, как младший тоже решил почтить меня своим виртуальным присутствием.

«Привет, Дина! Давно не виделись. Как твои дела? Как насчет встретиться завтра на кофе? Ничего криминального – просто поболтать».

Забыв о сериале, я разглядываю сообщение Ильдара и раздумываю над ответом. Последний раз мы разговаривали больше месяца назад. Он в очередной раз предложил встретиться, а я в очередной раз отказала, не удосужившись сочинить достойной причины. Тогда мне никого не хотелось видеть, и особенно тех, чья фамилия начинается на «Ю».

Отложив телефон в сторону, я снова смотрю в телевизор, но не выдерживаю и пары минут.

«Хорошо. Можем встретиться в „Холмах“ в обеденный перерыв. У меня будет полчаса».

Ответ Ильдара приходит так быстро, словно он все это время не выпускал мобильный из рук.

«Тогда договорились! До завтра!

P.S. Я очень по тебе скучал. По-дружески».

Закатив глаза, я выключаю экран и запускаю вилку в лапшу. Я и сама не знаю, с чем было связано мое нежелание с ним общаться. Причинил боль мне не он, а его старший брат, а если последнего больше нет в моей жизни, то нет повода рвать дружеские отношения.

Треньк!

Вздохнув, я снова тянусь к телефону. Что он на этот раз забыл?

Но там меня, на удивление, ждет сообщение не от Ильдара, а от Таисии, жены близкого друга Камиля, на которого я, кстати, работаю. Как-то раз я помогала ей в организации одного мероприятия, после которого мы сдружились.

«Динуль, привет! Еще не забыла меня?:) Я вот о тебе точно помню! В доказательство приглашаю тебя в следующие выходные на празднование своего дня рождения. Очень-очень надеюсь, что ты придешь. Будет всего человек десять-двенадцать близких друзей, ничего пышного и помпезного. Выпьем шампанского, поболтаем, потанцуем немного. Я по тебе соскучилась!».

Напрочь забыв о сериале и о лапше, я раз за разом перечитываю ее сообщение. Как такое возможно, что после двухмесячного затишья обо мне в один день разом вспомнили все!

Словно жизнь вдруг решила, что Динуле достаточно прохлаждаться в тишине и уединении, и ее нервам пора провести экзамен.

Отказываться от приглашения Таисии я не хочу: она не заслужила банальных отговорок. Для этого я слишком ее уважаю и люблю. Но в тоже время не могу не думать о том, что на праздновании будет Камиль. А с ним я встречаться еще не готова – сегодня у меня была возможность в этом убедиться.

Намотав несколько бесцельных кругов по квартире, я сно-

ва плюхаюсь на диван и беру телефон. Печатаю и стираю. Печатаю заново и заново стираю.

«Спасибо за приглашение! Я с удовольствием...»

«Я тоже очень соскучилась по тебе, но боюсь, что прийти не смогу...»

Нахмурившись, я легонько стучаю себя по лбу. Да что с тобой? Соберись.

«Привет! Здорово, что ты написала. Я тоже соскучилась, и мне лестно быть приглашенной. Приду с удовольствием!»

3

Наш последний разговор с Дилярой не прошел бесследно. Сегодня она не пытается бросать заискивающих взглядов и подсовывать стакан латте мне под руку со словами «Подумала, вдруг ты захочешь». За весь день она ни разу ничего не спросила, хотя обычно засыпала меня вопросами и вообще старается в мою сторону не смотреть, всем своим видом демонстрируя обиду.

Увы, это было предсказуемо. Для Диляры нет промежуточных состояний: она либо вцепляется в тебя, как влюбленный клещ, либо дуется. Ей невдомек, что я и не преследовала цель ее обидеть, а лишь хотела пояснить, что на дружбу «вза-сос» со мной больше не стоит рассчитывать. Во-первых, мы определенно разные люди, а во-вторых, меня утомила роль мамочки, призванной направлять, помогать и прощать. В отношениях с людьми, помимо отдачи, хочется еще и что-то получать, а так вышло, что я долгое время лишь отдавала. И речь сейчас не только о Диляре.

Бросив взгляд на часы и убедившись, что обеденный перерыв как раз наступил, я встаю. Ильдар уже пятнадцать минут как приехал, судя по присланной им фотографии кофе, сделанной на фоне интерьера лобби-бара.

Проходя к двери, я ловлю в отражении зеркала обиженный взгляд Диляры, красноречиво транслирующий «И даже

с собой не позвала». Я вздыхаю. Да, так и есть. Она переполнена ожиданием, что я начну замаливать грех своей недавней жестокости. У меня для нее плохие новости. Никаких грехов я за собой не чувствую, и чем раньше она это поймет, тем меньше напряжения будет витать в воздухе.

Спустившись в вестибюль «Холмов», я обнаруживаю, что Ильдара в лобби нет, и иду в ресторан. Его темный, коротко стриженный затылок замечаю сразу и вместе с этим ощущаю легкий укол в груди. Сейчас Ильдар вызывает во мне двоякие чувства: с одной стороны, теплоту, как память о нашем общем детстве, а с другой, болезненность, как отголоски недавнего прошлого и настоящего.

Коснувшись его плеча вместо приветствия, я занимаю стул напротив. Проявлять излишний энтузиазм в общении не входит в мои планы. Так же я уверена, что это не последняя наша встреча. Я помню о намерении Ильдара упорно ждать, пока я, наконец, не приму факт, что он – тот самый; и это меня больше не устраивает. Единственное общение, к которому я сейчас готова – это общение, не обремененное чужими проблемами и ожиданиями.

– Привет! – Взгляд Ильдара быстро пробегается по моему лицу, и он по привычке широко улыбается. – За время, что мы не виделись, ничего не изменилось. Все та же красавица.

– Спасибо, – сдержанно, под стать его старшему брату отвечаю я. – Как твои дела?

Комплимент меня несколько не радует, так как в нем ви-

дится настойчивое желание выйти за рамки дружбы. Да, за эти пару месяцев я успела стать еще и подозрительной.

– Дела вроде хорошо, – отвечает Ильдар, продолжая меня разглядывать. – Давай ты сначала заказ сделаешь. Голодная ведь, наверное?

Тут я не могу не улыбнуться, ибо накатила та самая теплота. Внимательность и джентльменство-всегда были его главными достоинствами.

Сказав официанту кодовое: «Как обычно», я снова смотрю на некогда лучшего друга. Выглядит он уверенно и свежо, и насколько я знаю, приступ, из-за которого его госпитализировали, никак не повлиял на его дальнейшую жизнь и самочувствие.

– Ну что тебе рассказать? – берет на себя разговорную инициативу Ильдар. – Пару недель назад закончил проходить обследования. Ничего нового и криминального в моей голове не обнаружили. Сказали, жить буду долго и счастливо. Работаю все так же у Кама, в сомнительные истории с поставщиками больше не влипал... Дом родителей мы выставили на продажу, кстати, так что теперь я живу в городе в той самой квартире, где жила ты.

– Отличный выбор, – с улыбкой киваю я, поневоле заражаясь его благодушием и позитивом. Есть у Ильдара такая черта: свою девяносто девяти процентную положительность он умеет передавать другим. – Надеюсь, где-то там не завалялось мое нестираное белье.

Он смеется.

– Нет, ты была примерным обитателем. Так, что у меня еще нового? А... Стал встречаться с девушкой...

Не донеся до рта стакан с водой, я округляю глаза: мол, да ладно? Параллельно прислушиваюсь к себе: как отзывается во мне эта информация? Не бунтует ли эго? Все же Ильдар был равнодушен ко мне всю нашу сознательную жизнь.

Нет, эго не бунтует. Оно расслаблено и даже испытывает облегчение. Вот и ответ. К Ильдари, несмотря на наш недолгий и скоротечный роман, у меня нет никаких романтических чувств.

– Слушай, здорово! Я за тебя очень рада! – От неожиданности и легкого волнения я подаюсь вперед. – И как ее зовут?

– Аня, – улыбается Ильдар. – Ей двадцать три, работает в рекламном агентстве. Веселая, красивая, умная. Пока все хорошо.

– А ты, что, ждешь подвоха? – со смехом иронизирую я, ловя себя на том, что могу говорить так, как раньше – с юмором и не осторожничая.

– Да нет. Короче, сейчас все хорошо, и я этим наслаждаюсь.

– Здорово, – повторяю я. – Правда, очень за тебя рада. И за нее тоже, конечно! Классного парня себе отхватила.

– Спасибо. Теперь ты расскажи? Что у тебя нового? Как жизнь после увольнения.

Я снова тянусь за водой и неспешно пью, собираясь с мыс-

лями.

– У меня тоже все хорошо. Много отдыхаю, хожу в спортзал, и ни с кем не встречаюсь.

Ильдар щурится.

– С тем своим парнем, получается, рассталась?

– Да, – подтверждаю я, на секунду отводя взгляд. Он до сих пор пребывает в счастливом неведении, что мой бывший так называемый парень – не кто иной, как его старший брат, и что отчасти виновником нашего расставания является сам Ильдар. – Так, что еще? Эти пару месяцев я провела в относительном уединении, и мне было хорошо. Правда, вчера позвонила Таисия и пригласила меня на свой день рождения.

– Да, точно, – кивает Ильдар. – Кам говорил, что идет.

И хотя я об этом и без того знала, сердце все равно взволнованно дребезжит. Воображение за секунду нарисовало картину нашей встречи.

– Надеюсь, меня пустят без пары, – брякаю я, чтобы скрыть свое замешательство.

– Как уж не пустят. Камиль вроде тоже пойдет один. Хотя кто его знает, – Ильдар усмехается. – С сопровождением у него обычно проблем не бывает.

Неделя, отделявшая мою затворническую жизнь до выхода в свет, приуроченного к дню рождения Таисии, пролетела так стремительно, что когда мне позвонили из салона красоты с напоминанием о записи на макияж и укладку, я первым делом уставилась на календарь: Что, уже? Так быстро? Но я еще не готова! В смысле, не готова снова увидеть его.

Но так как я уже согласилась прийти, а свое слово я привыкла держать, то в назначенное время оказываюсь сидеть в кресле стилиста, разрекламированного небезызвестной социальной сетью. Обычно я предпочитаю не тратиться на чудесное преображение, так как и сама неплохо управляюсь с феном и румянами, но в этот раз почему-то посчитала, что моих умений будет недостаточно. Все же недавняя любовная неудача ударила по мне сильнее, чем я полагала, раз мне требуются дополнительные усилия, чтобы вновь почувствовать себя уверенно в его присутствии.

Хотя, возможно, дело в словах Ильдара, о том, что у его брата обычно не бывает проблем с сопровождением. Я ведь даже не думала о том, что Камиль может прийти на празднование не один. А что, если может? Вдруг я увижу рядом с ним великолепный аналог красавицы Лики? Удирать в туалет со слезами не входит в мои планы. Хватит и моего провального двадцатипятилетия.

В общем, я решила подстраховаться. Мелькнула даже мысль позвать с собой Тимофея – красавчика-тренера с телом Аполлона и взглядом преданной хаски, с недавнего времени оказывающего мне знаки внимания, но я быстро ее отменила. Слишком уж это жалкий ход. Достаточно будет голливудских локонов и платья, облегающего пятую точку, как латексная перчатка руку врача.

– Пожелания к макияжу есть? – интересуется девушка-стилист, закончив щедро орошать мою голову лаком.

– Только одно. Чтобы я не была похожа на отчаявшуюся проститутку, и чтобы мое лицо не блесло, как сопля.

– Я вас поняла. – На ее лице не мелькает даже тени улыбки. Вот что значит серьезное отношение к работе.

Но, несмотря на явное отсутствие чувства юмора (что-то мне стало везти на таковых), свою работу девушка выполнила хорошо. К моменту выхода из салона мои волосы красиво пружинят, лицо приобрело естественное сияние, а взгляд, который в последнее время стал тяжелым и угрюмым, вернул былую жизнерадостность. То, что нужно, чтобы возместить потерянную уверенность.

До начала торжества остается около двух часов, чего с лихвой хватает на то, чтобы добраться до ресторана, где намечено празднование, и купить цветы. И даже времени на то, чтобы выпить кофе, остается.

Прихватив букет голубых гвоздик, я захожу в кофейню по соседству и, заказав у стойки латте, прохожу к столику у ок-

на. Расположившись там, еще раз оглядываю лицо в карманном зеркале, чтоб убедиться, что мне не показалось и выгляжу я действительно жизнерадостно и свежо.

— Какая встреча, — раздается смутно знакомый голос над столом. — Если бы я верил в знаки, то непременно бы решил, что это и есть знак.

Здрав голову, я в течение нескольких секунд разглядываю мужика в дорогом костюме, не слишком вписывающимся в местный хипстерский интерьер, и никак не могу вспомнить, где я могла его видеть.

— Виктор, — подсказывает он, поняв, что рассчитывать на остроту девичьей памяти не стоит. — В первую и последнюю нашу встречу мы беседовали по поводу сотрудничества.

— Да, точно, — киваю я, не утруждаясь быть приветливой. Мне не нравится то и дело сталкиваться с людьми, не представляющими для меня интереса. — Вы меня преследуете?

Мужик смотрит на меня с почти отеческой укоризной. Мол, что за нелепые предположения?

— Разумеется, нет. В прошлый раз вы довольно ясно дали понять, что работа на меня вас не интересует.

Я снова киваю, давая понять, что с того момента ничего не изменилось.

— Правда, я слышал, что из автосалона вы уволились. Отличное решение. — Запустив руку в карман, он выкладывает на стол бархатистую визитку с золотым тиснением. — Это мой телефон, если передумаете. Уверен, что мы сработаемся.

Я скептически смотрю на черный прямоугольник. Еще один мамонт. Кто в наше время пользуется визитками?

– Раз уж вы столько обо мне знаете, то в курсе, что у меня уже есть работа.

– В курсе, конечно, – улыбается Виктор. – Но работать у меня вам будет куда интереснее.

В этот раз он не пытается раздражать меня долго и, склонив голову, ретируется. Я допиваю кофе и встаю. Вот и все, пора ехать.

Взгляд падает на визитку и я, сама не зная почему, засовываю ее в сумку. Наверное, потому что не люблю оставлять мусор на столе.

Первое, что я вижу, подъехав к месту празднования – это автомобиль Камиля. Даже не помня номеров, не спутаю ни с одним другим: намыт до блеска даже в дождливую погоду, как и машина его бородатого друга, стоящая по соседству.

Руки слегка холодеют, и мне приходится немного замедлить шаг, чтобы напомнить себе, для чего я здесь. Я пришла поздравить подругу и отлично провести время после двухмесячного затворничества. Макияж и укладка обошлись так дорого, что даже присутствие всех бывших вместе взятых не испортит мне настроения.

– Вы на день рождения? – осведомляется парень в белой рубашке, выразительно посмотрев на букет в моих руках. – Я вас провожу.

Проходя мимо зеркала, я на всякий случай оцениваю свое отражение: точно ли платье сидит так хорошо, как я запомнила, и точно ли стилист стоил своих денег? Такая внезапная озабоченность внешним видом мне совсем не по душе. Раньше мне не требовалось по сто раз себя разглядывать, чтобы излучать уверенность. Я куда больше, чем привлекательная обертка, и ни одна неудача на любовном фронте не должна это знание поколебать.

– Дина! – Прямо у входа в зал празднование передо мной возникает сияющее лицо Таисии. – Я так рада, что ты при-

шла!

Мы обнимаемся, словно не виделись минимум год: инициатива, конечно, исходит от жизнерадостной именинницы, а я просто подхватываю. Холод в руках исчезает, и внутри становится спокойно и тепло. Такова магия Таисии, которую мне никогда не постичь.

– Это тебе, – я протягиваю ей гвоздики и пакет с подарком – сертификат в именитую студию фотографии. Таисия похожа на ту, кто любит семейные фотосъемки. Покупку косметики, белья и парфюма я решила оставить на совести ее мужа.

– Голубые! – восторженно произносит она, пробегаясь пальцами по лепесткам. – Идеально подойдут в спальню. А это... – Она ныряет в пакет и достает конверт с сертификатом... – Ох! Ну, вот откуда ты знала? Я уже который месяц думаю про фотосессию с детьми и никак не могу определиться со студией.

– Я с ними работала, – улыбаюсь я, польщенная такой бурной реакцией на свой, как мне казалось, не слишком оригинальный подарок. Определенно, общение с Таисией – то, что нужно, чтобы воспрять духом. – Уверена, вам там понравится. И Булата зови... – Машинально нащупав взглядом фигуру бородача, стоящего неподалеку с телефоном, я подмигиваю: – Пусть не отлынивает от семейных обязанностей.

– Булат и фотосессия? – вздохнув, Таисия берет меня под руку. – Не смейся. Его можно заснять только на телефон спя-

щим. На снимки с детьми приходится уговаривать, не говоря уже о фото со мной.

Решив никак не комментировать подобную злобредность, я позволяю вести себя к гостям. Камиль вообще на мой день рождения не пришел, так что не мне рассуждать о том, что должны и чего не должны делать чужие мужчины.

– Даш, это моя подруга Дина, – говорит Таисия, подводя меня к симпатичной брюнетке в изумрудно-зеленом платье. – Я про нее рассказывала.

– Вы помогли организовать конференцию, правильно? – моментально подхватывает та. – Очень приятно!

– Мне тоже. – Улыбнувшись, я вкладываю во взгляд всю свою доброжелательность. Друзья Таисии – ей под стать, милые и приветливые, и по крайней мере сегодня мне хочется выбиваться из общего настроения. – А вы чем занимаетесь?

– У нас с сестрой свой бутик одежды. Правда, в последнее время мы больше ориентируемся на обувь.

– Здорово. Обязательно к вам загляну.

– О-о-о, ты будешь в восторге! – подхватывает именинница. – У них там такие экземпляры есть, что пальцы чешутся потрогать. Даш, скажи, что Дина невероятно красивая?

Девушка улыбается.

– Очень.

– Таисия, как всегда, – шутливо ворчу я, – в день рождения сама должна получать комплименты, но предпочитает топить в них всех остальных.

Я ловлю себя на том, что с первой минуты, как я оказалась здесь, улыбка не сходит с лица. Кажется, все идет по плану, и у меня получается отлично проводить время.

Так я думаю до тех пор, пока взгляд сам собой не упирается в высокую фигуру в темном. Да, Камиль здесь, и он явно не скучает в компании миловидной шатенки, которая, задрав голову, с готовностью смотрит ему в рот.

В легких становится так тесно, что вздохнуть нет возможности. То есть Ильдар не обманул, и Камиль решил наглядно продемонстрировать, что у него действительно нет проблем с сопровождением.

Девушку рядом с ним нельзя назвать красавицей в общепринятом смысле, но от этого легче не становится. Даже наоборот. В ней читаются мягкость и женственность, качества, которыми не обладаю я. И он с ней разговаривает. Не просто слушает, но и говорит сам, в то время как я из него слова клещами вытягивала.

Я думала, что была готова и к этому, но я не была. Да, мы никто друг другу, и он имеет полное право, но... Господи, и когда я успела стать такой тряпкой?

– Это моя лучшая подруга Марина и по совместительству Дашина сестра, – раздаётся совсем близко заговорщицкий голос Таисии. – Помнишь, я про нее рассказывала? Она работает у меня и занимается соцсетями. Замужем.

Я прикрываю глаза. Твою же мать. Это подруга Таисии и она замужем за кем-то, кто не является Камилем. Да что со

мной происходит? Когда я успела стать параноиком, раздувающим банальный разговор между мужчиной и женщиной до размеров вселенской трагедии?

– Да, я помню, ты о ней говорила, – бормочу я, ощущая, как теплеют щеки. Таисии что-то известно о моем скоротечном романе с лучшим другом ее мужа? Иначе, к чему ей выдавать такое подробное досье?

Но спросить ее об этом я не успеваю, потому что в этот момент Камиль перестает говорить и смотрит на меня. Напрягшись всем телом, как если бы это был не просто взгляд, а уверенное касание, я сдержанно ему улыбаюсь: мол, да это я, привет.

В мои намерения не входило затягивать зрительный контакт – поздоровались, да и хватит, но вместо того, чтобы продолжить общение с девушкой, Камиль касается ее плеча и, очевидно попрощавшись, идет в мою сторону.

Первая моя мысль – сбежать, но так как трусихой я себя не считаю, то просто стою и жду. Сердце, конечно, колотится как бешеное, но я знаю, что справлюсь. Расслабить плечи, улыбнуться, выбрать шутливо-отстраненный тон. На один вечер можно притвориться, что между нами все в порядке, и он не причинял мне боли.

– Привет еще раз, – говорю я, когда расстояние между нами не позволяет усомниться: Камиль шел именно ко мне.

Его взгляд внимательно исследует мое лицо, словно желая удостовериться, что все его части по-прежнему находятся на своих местах.

– Мы разве уже здоровались?

– Я тебе кивнула и улыбнулась.

– То есть, было все твое запланированное общение со мной на вечер?

– Я была даже не уверена, что ты здесь будешь, – уверенно вру я. И тут же об этом жалею, потому что Камиль выразительно смотрит на мои локоны, а потом на платье: мол, ну-ну.

Думает, что это ради него? Долгое сидение в офисе и отсутствие прогулок на свежем воздухе плохо сказываются на его умственной деятельности и чересчур раздувают самооценку.

– В любом случае, я рад тебя видеть.

Мне хочется засунуть указательный палец в ухо и как следует его потереть: я не ослышалась? Камиль не только проявил инициативу в общении, но и пытается быть милым?

– А я просто рада быть здесь, – с улыбкой говорю я, отказываясь включать свою привычную задиристость. Провоци-

ровать Камиля и язвить мне нравилось раньше. Сейчас же, напротив, хочется быть осторожнее, чтобы по случайности не ступить на скользкий путь флирта. Пусть мы и стоим совсем близко, но мысленно я разговариваю с ним через закрытую дверь. Так безопаснее.

– Как твои дела?

– Все хорошо. Наконец сдала на права. Возможно, в скором времени начнет не хватать былой сверхзанятости, но пока я наслаждаюсь отдыхом. Теперь хватает времени и на спорт, и на прогулки, и даже на сериалы.

Глаза Камиля начинают блестеть.

– Да, я заметил, что ты увлеклась тренажерами.

Хорошо, что Таисия выбрала именно этот ресторан для празднования – потолочные лампы здесь не сияют, как прожекторы, и мягкий приглушенный свет скрадывает мои вспыхнувшие щеки.

Мы, что, поменялись ролями? Теперь я молчу, не в силах подобрать нужного ответа, в то время как Камиль сыплет завуалированными комплиментами, ну или, как минимум, признает, что изменения в моей фигуре не остались незамеченными.

– Ты что-то пил? – не удержавшись, шучу я.

– Нет. За рулем.

– Разве день рождения не повод приехать на такси?

– Я выпиваю редко и только в определенной компании.

– Ясно. – Я оглядываюсь, ища глазами Таисию. Едва

Камиль подошел, эти сводницы-лисы беззвучно ретировались. – А я, пожалуй, пойду выпью. Почти два месяца никуда не ходила, так что планирую сегодня как следует повеселиться.

Камиль кивает, и я, со словами «еще увидимся», направляюсь к остальным гостям. Пальцы снова подрагивают, но, тем не менее, я собой довольна. Тряпкой может я стала, но лицо держать не разучилась. А выпить и правда будет неплохо. А еще потанцевать.

– Готова поднять бокал за именинницу, – весело объявляю я, потеревив запястье Таисии. – Всем привет! Я Дина.

– Очень приятно, – первой отзывается та самая девушка, разговаривавшая с Камилем. – Я Марина, а это мой муж Саша.

Приятного вида блондин лет тридцати, приветливо помахав мне рукой, тут же осведомляется:

– Вина или шампанского, Дин?

– Шампанского, – с готовностью выпаливаю я, вдруг так сильно желая ощутить во рту сладковатый вкус, призванный вмиг расслабить и успокоить расшатавшиеся нервы.

В мгновение ока рядом с нами материализуется официант, и меньше чем через минуту мы с ребятами уже чокаемся бокалами.

– Я очень ценю, что ты меня пригласила, – совершенно искреннее признаюсь я Таисии. – Оказаться сейчас здесь – это прямо то, что доктор прописал. И друзья у тебя очень

приятные. Кажется, будто всех их я давно знаю.

– Я тоже рада, что ты пришла. – Таисия ласково принимает меня за талию – совсем как любит делать моя сестра. – Мы же повеселимся сегодня, да? Я сто лет не танцевала. Только дома с Амалией.

– Потанцуем, – обещаю я и, отпив шампанское, на автомате оглядываю зал.

Взгляд почему-то сразу падает на Камиля, который в этот момент беседует с Булатом. Про то, что не пьет, он не соврал – в его руке красуется стеклянная бутылка колы. Я не могу не усмехнуться: забавные они с бородачом все-таки. Ни дня друг без друга не могут.

Будто почувствовав, что за ним наблюдают, Камиль поворачивает голову и смотрит прямо на меня. Вздвогнув, я отвожу глаза и мысленно чертыхаюсь. Эх, Дина-Дина. Неужели во всем ресторане не нашлось места, которое можно было поразглядывать? Торс вон того официанта, например, не так уж плох.

К счастью, этот прокол быстро забывается после двух бокалов просекко и непринужденной болтовни с Мариной и Дашей. Оказывается, девушки почти профессиональные путешественницы, со времен своего совершеннолетия объездившие более сорока стран, включая экзотические Маврикий и Парагвай. Мы даже обмениваемся телефонами, и я клятвенно обещаю навестить их бутик.

К концу вечера я окончательно и бесповоротно убежда-

юсь, что к своим годам волшебница Таисия преуспела не только в создании крепкой семьи и построении карьеры, но и сумела обрести настоящих друзей, тех, с которыми хочется не только делиться, но еще и восхищенно брать. Мы с ней почти ровесницы, но мне многому можно у нее поучиться. На семью я, допустим, пока не претендую, а вот от верных ресурсных подруг не отказалась бы.

То, что празднование подошло к своему логическому завершению, становится ясно после того, как Булат, выразительно посмотрев на супругу, переводит взгляд на часы и невозмутимо объявляет:

– Время. Детям пора спать.

Честное слово, от его манеры общения у меня иногда мороз по коже. Вот уж с кем бы я точно жить не смогла – так это с ним. Во мне нет и десятой доли гибкости Таисии, и попробуй кто-нибудь заговорить со мной таким командным тоном, да еще и при толпе гостей – я бы этого человека заживо освежевала.

Таисия же только мило вздыхает:

– Друзья, простите. Амалия и Тагир без меня не засыпают, так что нам действительно пора. Вы, пожалуйста, оставайтесь и веселитесь хоть до утра. Стол уже оплачен.

Несмотря на такие заверения, никто не изъявляет желания продолжать празднование без именинницы, и гости начинают расходиться. Я нисколько не расстраиваюсь. Натанцевалась и повеселилась я от души, как и хотела, а следую-

щий бокал шампанского точно был бы лишним. Я и так выпила больше, чем планировала.

– Так, сколько такси нужно заказать? – Таисия озабоченно крутит головой по сторонам и беззвучно шевелит губами, считая. – Марина поедет с Сашей, Даше нужно в другую сторону, Ксения с Борей – это три... Дина...

– Дину я сам отвезу, – вдруг подает голос Камиль, который до этого момента, казалось, был полностью погружен в телефонный разговор.

Мой позвоночник немеет от неожиданности, что, к счастью, не лишает меня способности возражать.

– Это совсем необязательно. Я вполне обойдусь и такси.

Камиль вопросительно поднимает бровь.

– Боишься со мной ехать?

Если до этого еще оставались гости, чье внимание мы не привлекли, то теперь на нас точно смотрят все. В глазах Таисии сияет немой восторг. Ей бы всерьез задуматься об открытии брачного агентства.

– Вовсе нет, – парирую я, дернув плечом. – Отвези, если не лень.

До машины Камиля мы идем в гробовой тишине, словно нам предстоит не двадцатиминутный путь до моего дома, а операция по ограблению. В молчании садимся, в молчании трогаемся с места. Осталось только вязанные маски на лица натянуть.

– Можешь температуру прибавить? – прошу я, выразительно потерев предплечья. Не сказать, что в салоне холодно, но ладони у меня ледяные, а тело немного знобит.

Протянув руку, Камиль регулирует датчик климат-контроля с моей стороны, и тогда я понимаю, что могла сделать это и сама.

– Так нормально?

Я чувствую, что он на меня смотрит, но сама предпочитаю увлеченно разглядывать консоль.

– Угу. Спасибо.

Странно ехать с ним рядом после всего. С одной стороны, не так уж и много времени прошло с момента, как Камиль в последний раз встречал меня после работы, а с другой, есть ощущение, будто все это было в другой жизни. В той, где я была более легкой, дерзкой и самоуверенной и считала, что в создании отношений нет ничего сложного: нужно просто симпатизировать партнеру в достаточной мере и стараться делать так, чтобы ему было с тобой весело и хорошо. Ага.

Как бы не так.

– Хорошо провела время? – вновь подает голос Камиль.

Выпитое шампанское помогает принять удивительный факт, что он продолжает проявлять инициативу, в то время как трезвая часть рассудка подсказывает не слишком этим очаровываться. Возможно, он просто чувствует себя виноватым и таким образом пытается реабилитироваться.

– Да, славно. Рядом с Таисией очень тепло. И друзья ей под стать – замечательные.

– Ты ей очень нравишься.

– Как я могу не нравиться? – не удержавшись, хмыкаю я. – Я ведь самая настоящая прелесть.

Камиль усмехается, однако, ничего не отвечает.

– Не похоже, что ты с этим согласен, – язвлю я, неожиданно задетая его молчанием. Если уж решил быть милым – так пусть будет таким хотя бы до моего дома. – Но вообще-то я пошутила. Прелестью я быть не пытаюсь, и нравится каждому – тоже.

– С тобой все более, чем отлично. Просто ты не для всех.

Последняя фраза повисает в воздухе, наполняя его чем-то ностальгически-сладким, хоть и слегка болезненным. Этот короткий диалог словно вырван из контекста нашего недавнего прошлого, где я пребывала в ошибочной уверенности, что между нами есть отношения и что Камиль заинтересован в них так же, как и я. А когда он говорил что-то только обо мне, как сейчас, я верила в это еще сильнее.

– Я имела возможность в этом убедиться, – буркаю я, отвернувшись к окну. Черт дернул меня поехать с ним, а не на такси. Таксисты обычно не роняют значимые фразы и не пытаются лезть в душу. А если и пытаются, то всегда можно накатать на них жалобу в службу поддержки.

– До сих пор злишься на меня?

Я стискиваю зубы. Злюсь ли я на него? Разве злость – это подходящее слово, когда что-то значимое безвозвратно сломалось? Да, злюсь еще, наверное. Потому что не представляю, как это можно починить.

– Я еду в твоей машине и разговариваю. Что еще нужно? Просто блюду дистанцию. Шутить, как раньше, точно не буду. Тот юмор был рассчитан на избранных, коим ты больше не являешься.

– Еще раз извини за день рождения, – будто не расслышав вызов в моих словах, говорит он. – Кому-то в тот день в любом случае было бы больно.

Горько усмехнувшись, я киваю.

– И, разумеется, этим кем-то должна была стать я. Ведь я не состою с тобой в кровном родстве, и я по натуре сильная. Сильных можно и подвинуть.

– В каком-то смысле ты права. Если встает выбор, двигают тех, кто с большей вероятностью вывезет. А жалеют тех, кого жалко.

– Считаешь, это справедливо?

– Жизнь вообще несправедливая штука, – парирует Ка-

милъ. – Еще раз прошу прощения за то, что испортил тебе день рождения. И что после не нашел слов, чтобы нормально извиниться. Порой мне требуется время, что верно оценить ситуацию.

Я обнимаю себя руками. Шампанское растеряло свой обезболивающий эффект, в глазах немного зудит. Да хоть сто раз ты прощения попроси – мое двадцатипятилетие уже прошло и больше не повторится.

– Остановись вот здесь, – глухо прошу я, когда впереди показывается крыша знакомой пятиэтажки. – Хочу протиснуться.

Ауди проезжает еще десяток метров и послушно тормозит у обочины. Я сразу же берусь за дверную ручку. Не хочу и не буду на него смотреть.

– Спасибо и...

– Дина. – Рука Камиля перехватывает мое колено и крепко сжимает, останавливая.

По-прежнему не поворачиваясь в его сторону, я глубоко дышу. Один вдох, второй, третий... На четвертом нужно сбросить его ладонь и выходить.

– Вот что тебе нужно?! – со слезами рывкаю я, впиваясь глазами в его лицо.

А дальше все, как в тумане: подлокотник, впившийся мне в ребра, его руки на мне, легкий запах сигарет и крепкий – одеколону, и забытое, но такое жадное трение щетины о подбородок.

Так все неправильно, неправильно, – барабанит в голове. Но кто же ее слышит, эту умную голову, когда вскрылись едва подернутые корочками раны и единственный шанс остановить кровь – это позволить себе слабость?

Позвоночник больно упирается в руль, левая туфля слетает со ступни. Хорошо, что темно, и о себе все еще дает знать выпитое шампанское. Темнота и алкоголь – мои союзники.

Запустив пальцы в волосы Камиля, я сжимаю их так, что ему наверняка становится больно. Как же мало, мало... Мало сигаретного запаха, мало прикосновения его тела, трения щетины... Сейчас даже и не верится, что я целых два месяца без них жила и даже сумела убедить себя, что не слишком-то в них и нуждаюсь. Нуждаюсь, и еще как. Потому что ни с кем, ни с одним из парней, никогда...

– Ну и что тебе нужно? – хрипло осведомляюсь я, дергая бедрами. – Соскучился?

Мой голос – совсем не тот, каким был еще недавно. В нем нет злости, нет отчаяния. За каких-то несколько секунд я превратилась в старую Дину, язвительную, уверенную, соблазняющую.

– Да, соскучился, – глухо подтверждает Камиль, поднимая глаза. В полумраке салона сложно разглядеть его выражение его лица, но яркое мерцание зрачков пропустить невозможно.

но.

Не разрывая нашего зрительного контакта, я дергаю бедрами еще и еще, пока не убеждаюсь в ответной реакции. Камиль сбивчиво дышит, и он меня хочет.

Его руки скользят по моей пояснице, гладят бедра, и затем наши губы сами собой сталкиваются. Если существует точное определение страсти – это про нас сейчас. Бездумная, неконтролируемая, ни имеющая ничего общего с достоинством и здравым смыслом. Когда руки двигаются лишь для того, чтобы ощупать как можно больше в попытке насытиться, в порыве оставить свою метку. Когда голос нужен просто для того чтобы издавать нечленораздельные звуки, и легкие работают только на выдох, но никак не на вдох.

Обхватив мои бедра, Камиль толкает их себе навстречу. Пусть на обоих из нас по-прежнему есть одежда, это не отменяет того факта, что мы уже трахаемся. Я так отчетливо помню, как ощущался его член – возможно, поэтому от нашего столкновения из горла вырывается почти крик. Может быть, поэтому рана внутри меня пока никак не заживет: не просто забыть свой первый оргазм и лучший секс. Как нелегко забыть боль и обиду.

Его руки уже не находятся поверх моего платья: они под ним, трогают мою голую задницу. Я запускаю свои под ворот его толстовки и царапаю ключицы, одновременно прикусывая шею. Взять как можно больше, оставить свой след, может быть даже разозлить. Страсть идеально совместима с болью.

Готова ли я к сексу с ним? Скорее да, чем нет. Всему виной шампанское, вскрывшиеся раны, его внезапная инициатива и темнота.

Откуда позади вдруг появляется вспышка света, и из динамиков звучит стандартная телефонная мелодия. Я помню, что мобильный Камиля всегда синхронизирован с магнитолой.

Придерживая рукой мою поясницу, он подается вперед, и навязчивая трель моментально смолкает. В салоне вновь становится темно.

Ему мог позвонить кто угодно, но я почему-то отчетливо представляю на экране прыгающее имя Ильдара. И этот факт отрезвляет почище нашатыря и ледяной воды.

– Пусти, – выходит из меня шершавым шепотом. В доказательство, что это не часть ролевой игры, я упираюсь ладонями в грудь Камиля. – А то что-то меня занесло.

Оттолкнувшись, я перекидываю ногу через подлокотник, и на мгновение чувствую, как его руки крепче сжимают мою талию, будто желая удержать.

– Подай, пожалуйста, туфлю, – механически выговариваю я, пока вернувшись на пассажирское кресло, поправляю задравшееся платье и приглаживаю безвозвратно испорченную прическу.

– Держи.

Не глядя, я забираю из рук Камиля гляцевую лодочку и просовываю в нее ногу. Союзники перестали выполнять

свою миссию, так что единственное, о чем я сейчас мечтаю – это поскорее выйти из машины и очутиться дома. Для самобичевания еще не пришло время. Оно, вероятно, наступит завтра.

– Спасибо, что подвез, – бросаю я напоследок я и, все так же не глядя в сторону водительского кресла, вылетаю из машины.

Порыв холодного ветра обжигает икры, щиплет шею, забивается в нос и треплет волосы. Грохот каблучков разлетается по пустынной вечерней улице, делая ее еще более пустой и мертвой. Дура, дура, – беззвучно шевелятся губы, явно не желая откладывать экзекуцию на завтра.

На автомате я захожу в подъезд, на автомате отпираю дверь в квартиру и, заперевши в ванной, на автомате смываю макияж. Даже зубная щетка во рту не мешает повторять: дура, дура, дура.

«Я хотел поговорить, – сообщает мой телефон спустя пятнадцать минут. – Секс в машине точно не входил в мои планы».

Я не меньше минуты разглядываю эти черные строчки, после чего гашу экран. В мои планы не входило обменяться с тобой более, чем парой фраз за вечер.

Все, нужно лечь спать. Утро вечера, надеюсь, действительно окажется мудренее.

Глаза следующим утром я открываю с настороженностью и даже вставать не спешу, чтобы позволить себе полноценно осмыслить вчерашнее. Проматываю в голове приветствие Камиля на дне рождения, мимолетные взгляды, предложение подвезти... Как только переключаюсь на полумрак салона – кожу покрывают мурашки. И нет, дело было вовсе не в шампанском – я помню все в мелочах и досконально. Как схватил за руку, как к себе притянул, и как я поддалась. И все, что чувствовала в этот момент, помню прекрасно: желание, взрыв эмоций, горящую эйфорию, потребность снова быть дерзкой и смелой. Боже, спасибо, что мне хватило мозгов все это прекратить!

И кстати, утро вечера гораздо мудренее! Самобичевание, настигшее меня вчера, сегодня поутихло, обмякло, лениво бросив: «Ну остановилась же. Чего теперь макушку пеплом посыпать? Всякое бывает». Куда больший резонанс имеет присланное Камилем сообщение. Осторожно, словно пытаюсь обезвредить тикающую бомбу, я открываю его и несколько раз перечитываю.

Хотел поговорить... Секс не входил в планы...

Я заношу палец, чтобы написать ответ, и снова его убиваю. Заношу снова, печатаю: «Ок. Давай поговорим», но, подумав, удаляю. Нелепо отвечать с таким запозданием.

Так и не решив, что делать с этим сообщением, я в конце концов выбираюсь из кровати и, почистив зубы, иду на тренировку. Усиленное кардио имеет свойство отлично прочищать мозги. Этим я и спасалась последние два месяца.

Никаких мук совести и голоса ущемленной гордости так и не появилось. К концу тренировки я воспряла духом и даже начала думать, что встреча с Камилем расставила все по своим местам, и я окончательно освободилась от этой странной, медленно точащей меня изнутри зависимости. Но как бы не так. Потому что стоило мне оказаться вдали от шума тренажеров и усесться в кафе, как события вчерашнего вечера вновь стали проворачиваться в голове, только гораздо подробнее: оттенки его взгляда, интонации, паузы между фразами – все стало иметь значение. Это же повторилось по пути домой, и еще раз – когда я сидела перед телевизором за любимым сериалом.

Нет, меня не отпустило. Наоборот, наш секс в одежде лишь все ухудшил.

Отчаявшись вникнуть в происходящее на экране, я снова заглядываю в телефон и перечитываю злосчастные строчки. Самой смешно: с каких пор я стала такой вдумчивой и нерешительной? Нужно либо ответить, либо поместить сообщение в архив и больше о нем не вспоминать.

Посидев так пару минут, я выбираю второе. Если я что-то и осознала за время, которое мы не виделись, так это то, что отчасти в своем провале виновата я сама: брала на себя

слишком много инициативы и форсировала события, тогда как Камиль просто не сопротивлялся. Я сделала его очередным рекламным проектом, который нужно завершить с блеском и в кратчайшие сроки. Вложила в него все свои усилия.

Больше я не хочу допускать такой ошибки. Хочет поговорить – пусть напишет или позвонит еще раз. В конце концов, не переломится. А если нет, то я буду знать, что оно ему не особенно и нужно. Больно, зато честно. Как-то так.

Убедив себя в пользе плаванья по течению, я смотрю в потолок, пропитываясь фантомным ощущением одиночества. До этого дня я им не страдала. Довез, блин, до дома. Вся жизнь снова перевернулась с ног на голову.

Спасает звук входящего сообщения. Сердце, встрепенувшись, екает: «неужели он?» Но прочитать послание не удастся, потому что следом раздается звонок. И нет, это не Камиль, а Ильдар.

– Привет, Дин! – весело, совсем как раньше, звучит его голос. – Сначала написал тебе, а потом решил – дай лучше позвоню. Чем занимаешься?

– Лежу, – честно отвечаю я, разглядывая босые пальцы ног.

– Мы с друзьями в баре встречаемся через час. Я буду с Аней. Давно хочу вас познакомить. Может, присоединишься?

Мне не требуется времени на раздумья. Вот оно, спасение от разрушительных мыслей и внезапно накатившего одино-

чества. Ильдар добровольно вернулся во френд-зону, так что мы снова можем полноценно дружить.

У меня даже настроение поднимается. Не зря говорят: когда закрывается одна дверь, открывается другая. Пусть я потеряла Камиля, зато вернула себе друга. И с удовольствием познакомлюсь с Аней и искренне надеюсь, что она окажется так же хороша, как Ильдар о ней говорил.

В отличие от мероприятия, прошедшего накануне, на встречу с друзьями Ильдара наряжаться я не стала и даже косметикой пренебрегла. Волосы забрала в хвост, надела простые джинсы с футболкой. Во-первых, было лень, во-вторых, кто знает, к какому сорту девушек принадлежит эта Аня. Вдруг из тех, кто ревностно относится к любому женскому имени в записной книжке своего нового парня. Моя цель на сегодня – не столько провести время с другом и покатать шары, сколько с ней подружиться. Общение с новыми людьми – это то, что мне сейчас нужно.

– Всем привет! – весело говорю я, оглядывая компанию из пяти человек, среди которых есть Ильдар и уже знакомые мне Вадим и Ирина. Коренастого парня с серой бейсболке я вижу впервые, как и хрупкую шатенку, похожую на школьницу-выпускницу, благодаря наивно-любопытному взгляду, вздернутому носу в веснушках и торчащим ключицами.

– Пришла-таки! – Поставив на стол бутылку, Ильдар по-приятельски треплет по голове и, приобняв за плечи, разворачивает к остальным. – Товарищи, кто не знает – это Дина. С этой парочкой ты уже знакома, – он кивает на улыбающихся мне Вадима и его жену, – крепыш в кепке – это Рома, он, кстати, талантливый программист, а это Аня.

– Очень приятно, – говорю я скорее для Ани, на чьем ли-

це застыло все то же выражение детского любопытства, приправленного смущенной улыбкой.

Я не совсем так ее себе представляла. Вернее, совсем не так. Воображение рисовало избранницу Ильдара дерзкой красоткой с уверенным взглядом. По крайней мере, именно такие девушки крутились возле него в прошлом. С другой стороны, ни с одной из них, включая меня, у него по итогу не сложилось, так что, возможно, действуя от противного, он все делает правильно.

Вынырнув из-под руки Ильдара, который, казалось, забыл, что на нас смотрит его девушка, я усаживаюсь рядом с Романом.

– Не помешаю? – шутливо я у него, подтягивая к себе меню.

Вести себя весело и непринужденно получается безо всяких усилий. За столом собрались мои сверстники – простые и понятные. Нет необходимости заглядывать им в глаза, чтобы считать реакцию, нет нерационального смущения. И сердце бьется ровно, без всяких скачков.

– Можно мне пива, пожалуйста, – прошу я у парня-официанта с пирсингом на лице и забитыми рукавами.

– Пива? – Ильдар шутливо играет бровями. – Что это с тобой, Динуля? Ты разве его пьешь?

– Пью иногда под настроение, – сдержанно отзываюсь я, бросая взгляд на Аню, скромно потягивающую через трубочку что-то ярко-красное, напоминающее лимонад. – Ань,

а что это такое ты пьешь?

Огромные детские глаза сосредотачиваются на мне, транслируя легкое замешательство. Девушка Ильдара будто не ожидала, что я могу обратиться лично к ней. И если меня не подводит зрение, на ее щечках-яблочках даже появился легкий румянец.

– Это вишневый эль, – тонким, под стать ее внешности голоском, отвечает она, – Ильдар мне заказал. Я просто пиво не очень люблю.

– Черт, надо было такое же заказать, – досадливо морщусь я, стукая кулаком по столу. – Выглядит вкусно.

Я ловлю себя на том, что немного перебарщиваю, играя роль разбитной подружки, далекой от флирта и наличия женского обаяния. Уж слишком мне хочется показать этой милой дюймовочке, что Ильдар нисколько меня не интересуется. Хотя рядом с этим воплощением робости и скромности мне и не нужно особо напрягаться. Достаточно просто оставаться собой – разница и без того будет заметна.

– Так давай я тебе закажу, – встречается Ильдар, моментально вскидывая руку. – Борис! Поменяй, пожалуйста, девушке пиво на эль! Вишневый!

Я глубоко вздыхаю. Ну Ильдар. Я тут изо всех сил стараюсь расположить к себе его девушку, а он образ рыцаря в сияющих доспехах никак не может изжить.

– Хороший тебе парень достался, – подмигиваю я Ане. – Настоящий джентльмен. Как вы кстати познакомились?

Порозовев, она мечет в Ильдара смущенный взгляд и тоненько пищит:

– В кофейне. Я сделала заказ, а парень, стоящий за мной, не дал его оплатить.

– Парень – это Ильдар, я так понимаю?

– Да. Пришлось пригласить его за стол. Мы разболтались, а потом он довез меня до дома.

Я не могу перестать умиляться. Эта Аня милее любого котенка или пушистого домашнего кролика. Таковую хочется лелеять и оберегать. Правда лично мне пока сложно представить, как заниматься с ней чем-то настолько порочным и грязным, как секс, но думаю, Ильдар эту проблему для себя решил.

В подтверждение моих мыслей Ильдар притягивает ее к себе и ласково целует в висок. Мы встречаемся взглядами, и я ему улыбаюсь, давая понять, что очень за него рада. Я действительно рада. Пока я отчаянно пыталась покорить его брата, а потом так же отчаянно его забыть, Ильдар преуспел в построении личной жизни.

– А вы давно знакомы, да? – с любопытством спрашивает Аня без всякого намека на ревность. – Были соседями, насколько я поняла.

– Да, мы дружили, что называется, в десна, – отвечает за меня Ильдар, посмеиваясь. – И все Динины родственники меня обожали. Мама Дины даже тайно мечтала, что когда-нибудь мы поженимся.

Я чуть элем не давлюсь: нет, он точно делает это специально! Лицо Ани, к счастью, остается невозмутимым, что только повышает ее акции в моих глазах. Молодчина.

– Еще мама мечтала, что я стану врачом, но мы все знаем, что ее желанию не суждено сбыться. – Подняв бокал над столом, я весело предлагаю: – Ну что, давайте чокнемся за классный вечер.

– Наконец-то, – ворчит сидящий рядом Рома. – А то я думал, мы весь вечер будем только вас троих слушать.

Все смеются, и я громче всех, причем делаю это совершенно искренне. Кажется, месяцы великой депрессии все же подошли к концу, и старая Дина вернулась.

* * *

Спустя двух часов шуток и болтовни наша компания вываливается на улицу. Меня немного штормит от двух бутылок выпитого пива, но настроение по-прежнему отличное. Роман, попрощавшись, уходит – он живет в квартале отсюда, Ирина с Вадимом садятся в свой Вольво – среди них есть трезвый водитель, а я, Ильдар и Аня остаемся втроем ждать такси.

– Ты зачем еще одну вызываешь? – хмурится он, глядя мне через плечо. – Аня здесь неподалеку живет. Она выйдет, потом проедем через тебя.

– Спасибо, не нужно, – твердо говорю я, подтверждая за-

каз нажатием кнопки.

Ильдар выглядит недовольным, и мне приходится успокаивающе потрепать его по плечу.

— Хватит за меня беспокоиться, — говорю я с улыбкой, так, чтобы не слышала Аня. — Я взрослая девочка и могу сама добраться до дома. Тебе теперь есть, о ком позаботиться. Кстати, отличный выбор. Одобряю.

После короткой заминки Ильдар, будто сдаваясь, отступает назад и притягивает Аню к себе. Перестав смотреть в телефон, она со счастливой улыбкой утыкается ему в подмышку. Мой взгляд падает на розовый чехол в ее руке и меня невольно разбирает смех. На нем изображены кролики.

Два подряд выхода в свет меня оживили, что становится совершенно ясно, когда я, вместо того, чтобы пойти на тренировку, вдруг спонтанно записываюсь на стрижку и окрашивание волос и пропускаю следующую ради похода по магазинам, неожиданно осознав, что сто лет не обновляла гардероб.

– Ты сегодня без спортивной сумки, – замечает Диляра, которая спустя неделю молчаливого и абсолютно бесполезного бойкота сдалась и снова со мной заговорила.

– Да, – подтверждаю я, подкрашивая губы. – Сегодня по плану шоппинг.

Вернув помаду в косметичку, я оглядываю себя на предмет пригодности для прогулок по торговому центру и ловлю в отражении ее наблюдающий взгляд. В нем все еще читается то самое выражение ожидания, красноречиво говорящее «Ну что, тебе стоит меня с собой пригласить?»

Пригласить Диляру с собой мне ничего не стоит. За время нашего не общения я успела отдохнуть и вполне смогла бы пару часов побыть заботливой мамой, которая развлекает заскучавшую дочурку. Проблема в том, что этот вечер я хочу посвятить именно себе, в полной мере наслаждаясь проснувшейся жадой к жизни. А Диляре, опять-таки, пора обзавестись новыми друзьями.

– До завтра, – говорю я на прощанье, сделав вид, что немая мольба в ее глазах осталась незамеченной. Говорю максимально доброжелательно, чтобы стало понятно: никакой обиды или зла я не держу. Просто я эгоистка, не склонная брать на себя ответственность за настроение и досуг других.

Сегодня даже солнце, которое, казалось, забыло о своих обязанностях, много дней не появляясь из-за облаков, весело светит в лицо, вторя моему настроению. Выйдя из такси, я не могу перестать улыбаться. Вот так, без причины. Просто потому что я снова хочу купить себе новую вещь, и мои волосы с новой стрижкой выглядят блестящими и ухоженными.

Может быть, мне стоило взять себя в руки раньше, и тогда период реабилитации после болезни, именуемой «Камиль», не затянулся бы на месяцы? Ответ однозначен: нет. Мне нужно было действовать именно в таком порядке, чтобы правильно прожить наше расставание. Деприть дома, отвлекаясь выдуманной телевизионной историей, не доедать, потому нет аппетита, злиться на него и на себя, вспоминать лучшие моменты наших отношений и тут же перебивать их худшими. Стиснуть зубы, заставив себя снова посещать тренировки, и убедить себя в том, что ходить в кино одной – это вполне нормально.

Все это того стоило, если я могу улыбаться солнцу искренне, как сейчас. Даже несмотря на то, что он мне так и не на-

писал.

– Можно вот на тот комплект поближе взглянуть? – Я указываю девушке-консультанту на манекен, облаченный в кремовые стринги и бюстгальтер. – Только мне с размером нужно помочь.

В отдел нижнего белья я заглянула не случайно. Никакого интима у меня не намечается, а этот роскошный итальянский кружевной дуэт увижу только я дома перед зеркалом. И это на сто процентов меня устраивает. Сегодняшний шопинг – только для меня, любимой, и для моей окрепшей пятой точки. За количество приседов, совершенных ей за последние пару месяцев, она заслужила подарок.

Белье подходит мне идеально, и я, еще более довольная собой, оплачиваю товар на кассе и направляюсь в отдел электроники. Сегодняшняя солнечная погода подвела меня к необходимости обзавестись новой моделью беспроводных наушников. Будет здорово гулять в парке, слушая любимую музыку в улучшенном качестве.

Не знаю, что именно заставляет меня, не дойдя до входных рамок, повернуться. Возможно, бойкий и очень знакомый детский голос, а возможно – аромат знакомого густого парфюма, от которого наэлектризовываются нервные и вкусовые рецепторы.

– Пап, ну мы не успеем ведь! Я хочу посмотреть рекламу...

Покрепче впившись в атласные ручки пакета с бельем, я

ошарашено смотрю на Карину и ее отца, стоящих не более, чем в трех метрах от меня.

– Привет, – выговариваю я, когда взгляд Камиля безошибочно находит меня и, по привычке смерив с ног до головы, останавливается на лице.

– Привет.

Он говорит что-то еще, но его слова тонут в визгах Карины.

– Смотри, это же Дина, пап! А ты что здесь делаешь?! Мы идем в кино и уже опаздываем. Я хочу посмотреть рекламу, а папа не хочет. Пойдешь с нами?

Я забываю про наушники и про пакет с бельем, болтающийся у меня в руке. Не прекращая улыбаться пританцовывающей Карине, я говорю, что тоже люблю смотреть рекламу, но в кино с ними, к сожалению, не пойду, потому что у меня другие планы. Камиль молча наблюдает за нашим диалогом, предпочитая в него не вмешиваться. И лишь когда Карина непринужденно интересуется, скоро ли я приду к ней в гости (месяц назад они с папой ездили отдыхать, и у нее появилось много новых рисунков), берет ее за руку и говорит, что если она и дальше будет меня задерживать, то они точно опоздают на фильм.

– Хорошего просмотра, – говорю я, скопировав тот же непринужденный тон, которым час назад попрощалась с Диллярой.

– Увидимся.

Бросив на меня финальный взгляд, Камиль ведет дочь к эскалатору.

Я же, вместо того, чтобы продолжить свой путь к наушникам, наматываю один бесцельный круг по этажу, после чего сажусь в кофейню. Наверное, это тоже неизбежная часть процесса излечения – чувствовать себя сбитой с толку из-за встречи с ним. Красивое белье, стоящее в ногах, уже не вызывает такой восторг, а на дальнейшие прогулки в поисках новых шмоток нет ни желания, ни сил.

Зато факт того, что он больше не написал, вновь ранит. Как и то, что так быстро ушел, не обменявшись со мной и парой дежурных фраз.

Следующим утром я буквально заставляю себя надеть новый кружевной комплект, а потом еще минут десять стою перед зеркалом, уговаривая насладиться его присутствием на теле. Вот парадокс: белье сидит на мне так же хорошо, как и вчера, но это не приносит мне и толики радости или удовлетворения, призванных задать позитивное настроение на весь предстоящий день.

Вздыхнув, я натягиваю поверх рубашку и брюки и, пару раз мазнув тушью по ресницам, вызываю такси в «Холмы». Как ни болезненно признавать, не такой уж я оказалась самодостаточной, неуязвимой и сильной, раз до сих пор не могу зажить счастливо, как и прежде. Все заверения интернет-психологов о том, что зрелая личность, не моргнув глазом, исключает обидчиков из жизни и продолжает порхать по ее солнечным полям легкой бабочкой – хрень собачья. В подушку ночами я, конечно, не вою, но накрывает иногда – будь здоров.

Наверное, все это происходит потому, что Камиль, по большому счету, моя первая большая неудача в личной жизни. Он сумел заинтересовать меня, как ни один из предыдущих партнеров, и стал первым, над кем мне так и не удалось ощутить превосходства. И я, привыкшая к негласному главенству, питаемому уверенностью в собственной привлека-

тельности, словно с размаху влетела в каменную стену. И хотя синяки и ссадины от столкновения уже почти сошли, то здесь, то там до сих пор ноет. Если кто-то не готов состоять в отношениях – это, безусловно, его право, которое не требует дополнительных пояснений, но... Черт, как же иногда хочется получить эти самые пояснения и желательно не только в устной, но и в письменной форме.

«Привет! Сегодня вечером той же компанией встречаемся в боулинге. Ты как?»

Это сообщение от Ильдара приходит, когда я сижу в такси, напоминая о том, что сегодня пятница.

Не имея ни малейшего настроения на веселье, я собираюсь выключить экран, но вовремя даю себе оплеуху. Эй, да что с тобой? Откуда взялась тяга к обесцениванию таких важных вещей, как приятный досуг, дружба, и потрясающее белье, идеально подчеркивающее крепкую задницу? Разве не обидно, что Камиль как ни в чем не бывало ходит в кино и умудряется даже выглядеть замечательно, в то время как ты лишаешь себя дара наслаждения жизнью?

«Напиши, во сколько вы собираетесь. Я немного подумаю, но, скорее всего, приду».

Отправив ответ, я пару секунд сижу без движения, а потом направляю на себя камеру, вздергиваю подбородок и делаю селфи. Оцениваю тон кожи и выражение глаз, удаляю и повторяю манипуляцию снова. На этот раз получается лучше: взгляд уже не такой хмурый и воинственный, и фотогра-

фия мне нравится.

Видишь, – проговариваю я про себя. – Ты – все так же Дина, уверенная в себе, симпатичная и умная. И ты не можешь отвечать за неразбериху, творящуюся в головах у других. Их проблемы и предпочтения никак не должны на тебя влиять.

Войдя в рабочий кабинет, первое, на что я обращаю внимание – это незнакомый сладковатый аромат парфюма, пропитавший воздух. Второе – это то, что волосы Диляры, сидящей за компьютером, уложены локонами, а лицо накрашено.

– Доброе утро, – спрятав улыбку, здороваюсь я. – Отлично выглядишь.

И нет, прихорошилась она точно не ко дню своего рождения. Он у нее, если меня не подводит память, не раньше, чем через пару месяцев.

– Спасибо, – сухо откликается она, продолжая барабанить пальцами по клавиатуре.

Несмотря на не слишком теплый прием, я чувствую удовлетворение и легкую гордость за нее. Это как раз то, о чем я говорила: она решила сама менять свою жизнь.

Чудеса продолжают и дальше, когда с наступлением перерыва, Диляра первой покидает кабинет, не проронив ни слова. В зале ресторана ее тоже не находится, из чего я делаю вывод, что обедать она будет где-то еще. Мысленно пожелав ей удачи, я заказываю привычный бизнес-ланч, состоящий из первого и салата, и утыкаюсь в телефон, чтобы изучить статью из курса по продвижению бренда, который не так дав-

но оплатила. Увлекаюсь настолько, что не замечаю приближающихся шагов, и испуганно подпрыгиваю от раздавшегося над столом «Привет».

Подняв глаза, чувствую, как сердце екает. Вчера Камиль не удосужился сказать мне и пары фраз, а сейчас стоит рядом и смотрит так, будто я что-то ему задолжала.

– Привет, – здороваюсь я, машинально расправляя плечи. – Приехал на халявный бизнес-ланч?

Острота вылетает из меня незапланированно. Я совсем не ожидала его увидеть, и ляпнула первое, что пришло на ум.

– Вроде того, – кивает он с легкой усмешкой и трогает спинку стула. – Присяду?

Тысячи вопросов одновременно выстреливают у меня в голове, но вместо поисков ответов на них, я пожимаю плечами. Небрежно так.

– Садись, если угодно.

Телефон мне приходится отложить, потому что Камиль моментально опускается напротив и, подозвав официанта, несколько раз тычет пальцем в меню. То есть он действительно собрался обедать вместе со мной.

– Как дела? – интересуется он, как только Толик уходит. Голову при этом склонил вбок и разглядывает меня так, будто не видел пару лет.

– Хорошо, – балансируя между сухостью и приветливостью, отвечаю я. – Как вчерашний фильм?

Не уверена, что он заслужил проявления хоть малейше-

го интереса в адрес своего досуга, но сказанного уже не вернотишь. Я просто пока не знаю, как себя с ним вести. И в этом, кстати, нет моей вины – просто кто-то подает слишком смешанные сигналы. В один день хочет поговорить, в другой – смотрит на меня, как на чуму, в третий вдруг претендует на совместную трапезу. Биполярное расстройство у него, что ли? Если так, то, пожалуй, стоит поблагодарить боженьку за то, что отвел.

– Главное, что Карине понравился, – отвечает он все с той же легкой полуулыбкой. – Ты же помнишь, что я не большой любитель кино.

Я невольно скриплю зубами. А вот это к чему? «Ты же помнишь»? Может быть, и помню, но предпочла бы забыть.

– Вижу, ты сегодня в хорошем настроении, – не сдержав язвительность, замечаю я в ответ.

– Почему так решила?

– Никак не можешь перестать улыбаться, что тебе не свойственно.

Улыбка на лице становится шире, а глаза, как бы мне не хотелось этого замечать, знакомо теплеют.

– Есть такое. Просто забавно выходит: ты так торопилась уволиться из автосалона, а Булат продал мне долю в этом ресторане.

Хорошо, что мне не успели принести суп, иначе белая скатерть, как, впрочем, и рубашка Камиля были бы безвозвратно испорчены. Он теперь владеет рестораном?!

– Круто... – выдавливаю я из себя, спустя паузу, растянувшуюся на долгие секунды. – Надеюсь, доля стоила тебе не слишком дорого, потому что рентабельность здесь невелика.

– Насколько я знаю, Кокорин тебе еще несколько месяцев назад поручил проект по его продвижению. Неужели все твои труды безрезультатны?

– Удивительно, что ты задаешь все эти вопросы именно сейчас, а не перед принятием конечного решения о покупке, – сухо говорю я, ища глазами запропастившегося официанта. Постоянный зрительный контакт дается мне с трудом.

– У нас с Булатом свои взаимозачеты, – не обращая внимания ни на мой тон, ни на мою язвительность, благодушно парирует Камиль. – В накладе в любом случае не останусь. Так как твои дела?

– Дела у меня отлично, и станут еще лучше, если мне наконец принесут суп. Я планировала быстро поесть и немного прогуляться.

– Не слишком-то ты рада меня видеть.

Глубоко вздохнув, я сверлю взглядом его переносице, всем видом давая понять: «А ты как хотел?».

– В следующий понедельник будет собрана планерка с обсуждением планов и предложений относительно дальнейшего развития ресторана, – говорит он, продолжая игнорировать мой явный вызов. – Не хотелось бы выстраивать наши рабочие отношения с нуля из-за прошлых разногласий.

Мне едва удастся не фыркнуть ему в ответ. Внутри неприятно щемит. С недавних пор каждое неосторожное слово стало иметь значения. *Из-за прошлых разногласий.* Вот так просто мы стали прошлым, не требующим пояснений.

И я, черт подери, это и сама понимаю, но слышать это от того, кто и явился причиной тех самых разногласий, больно. А еще больно, что за каких-то пару месяцев я стала такой ранимой и иррациональной. Ау, мозги! Включитесь уже. Ну пожалуйста!

– Думаешь, закачу истерику? – Окунув ложку в принесенный суп, я скептически кривлю рот. Мне нравится, что голос в звучит спокойно и иронично, несмотря на эмоциональную абру-кадабру, творящуюся внутри.

– Нет, я так не думаю, – медленно произносит Камиль, оглядывая меня со значением. – Думаю, что для этого ты слишком умна и профессиональна.

– Комплимент оценила. Благодарю. Тогда к чему была эта ремарка о выстраивании рабочих отношений с нуля?

– Заказать тебе десерт?

Теперь мне хочется потереть ухо, чтобы убедиться, что я не ослышалась. Да нет, не ослышалась, иначе с чего бы ему

улыбаться?

– Да что с тобой сегодня? – уточняю я, поморщившись. – Когда ты ведешь себя мило, то начинаешь меня пугать.

– Решил поднять тебе настроение.

– С моим настроением все более чем в порядке, – отрезаю я. – И проблем в выстраивании рабочей коммуникации у нас не будет. Так что не обязательно пичкать меня калориями.

А вот теперь я себе не нравлюсь, потому что откровенно огрызаюсь, демонстрируя уязвимость. Просто меня задевает и приводит в недоумение этот нетипичный способ нашего общения. Ведь именно я – легкая уверенная в себе фея, а Камиль – угрюмый немногословный бирюк. Так и хочется схватить его за грудки и рывкнуть: «Ну и по какому поводу у тебя такое хорошее настроение? Неужели до сих пор не дошло, какое счастье ты прое@ал?»

Однако, Камиль, невзирая на мой протест, уже подзывает официанта и просит его принести самый огромный и самый вкусный десерт.

– Ты кстати первая, кто узнал о продаже доли, – говорит он, когда Толик, окинув меня многозначительным взглядом, уходит. – Даже Кокорин еще не в курсе.

– Я должна почувствовать радость от оказанного мне доверия? Или это завуалированная просьба придержать информацию в секрете?

– Помнится, ты называла себя тщеславной, – глаза Камилля искрятся весельем. – Решил дать тебе повод ей побыть.

– Видимо, в нагрузку к десерту, – хмыкаю я и не выдерживаю: впервые за время нашего диалога улыбаюсь ему в ответ.

Сегодня он, и правда, очень милый. А еще он помнит всю словесную ахинею, которую я когда-то несла.

Как я не стараюсь убедить себя, что этот понедельник ничем не отличается от других, в преддверии обещанной Камилем планерки нервная система отказывается расслабляться. А иначе почему я уже в третий раз за последний час испытываю позыв навестить туалет? Который, кстати, находится довольно-таки далеко от рабочего кабинета, что делает походы туда особенно раздражающими. Половину сегодняшнего рабочего дня я потратила прогулки по коридору, а вторую – на мытье рук и на то, чтобы снять и натянуть брюки.

– Ну неужели Игоря Станиславовича увольняют? – расстроено сетует Диляра, забывшая о том, что решила держаться со мной независимо и холодно. В ее взгляде читается поистине детская растерянность: мол, пожалуйста, скажи, что это не так. И кстати, макияж и укладка по-прежнему при ней.

– Никто никого не увольняет, – успокаивающе говорю я. – Кокорин – талантливый руководитель. С чего я убирать? Скоро все наверняка прояснится.

– Но тогда почему планерку проводит Камиль Асхатович? – не сдается она.

Я шумно вздыхаю. Благодаря недавней встрече с Камилем ответ мне, конечно, известен, но то, что он известен мне, со стопроцентной вероятностью не известно Диляре. Поэтому

странно с ее стороны адресовать мне такие вопросы.

– Давай все же подождем еще немного, – демонстрируя недюжинное терпение, предлагаю я. – Всего-то полчаса осталось.

Скорбно прикрыв глаза, Диляра возвращается в свое кресло, а я, воспользовавшись моментом, выскальзываю в коридор, чтобы вновь пойти туалет. Кажется, мой мочевого пузырь решил устроить личную забастовку на фоне кадровых перестановок.

Я и сама до сих пор не решила, как отношусь к тому, что Камиль купил долю в ресторане. То, что он был милым за обедом и даже раскошелился на десерт, никак не отменяет того факта, что в прошлом он причинил мне боль и в будущем между нами ничего не может быть. А если так, то видеть его хотя бы пару раз в неделю и поддерживать общение, пусть и сугубо по работе, – совершенно не нужное мне мероприятие.

Однако какая-то упрямая и точно не самая умная часть меня рада тому, что Камиль вновь появился в моем поле и слабовольно млеет, когда он делает завуалированные комплименты, шутит или смотрит так, как смотрел раньше: пристально и со значением. Это похоже на пытку зудом: расчесывание очага поражения никак не способствует излечению, но ты все равно отчаянно чешешь, чтобы хотя бы на пару минут испытать мазохистский кайф и небольшое облегчение.

В туалете я быстро справляю сотую по счету нужду и,

ткнув в кнопку смыва, встаю перед зеркалом, чтобы поправить волосы и заправить рубашку. И надо же такому случиться, что именно в тот момент, когда моя рука деловито копошится в бюстгальтере, равномерно распределяя его содержимое, дверь неожиданно открывается, сталкивая меня нос к носу с Камилем.

Ойкнув, я резко отворачиваюсь и, забыв о груди, торопливо задерживаю молнию на брюках. Да твою же мать! Здесь замок не работает или меня поразила синдром туалетного мужика, считающего, что умение писать стоя исключает необходимость запереться?

– Извини, – раздается без толики сожаления, и когда я, застегнув рубашку, оборачиваюсь, то вижу, что снова нахожусь одна.

Постояв перед зеркалом до тех пор, пока со щек не сходит неровный румянец смущения, я выхожу в коридор, и метрах в трех вижу прислонившегося к стене Камиля.

– Дверь была не заперта, – поясняет он, встретившись со мной глазами.

То есть дело не в сломанном замке, а в синдроме туалетного мужика. Что ж. Во всем нужно искать положительные стороны. Камиль застал меня всего лишь с расстегнутой ширинкой и лапающей себя, а не позорно журчащей на унитазе.

– Вряд ли я произвела фурор. Ты видел меня в позах и попикунтнее, – брякаю я машинально. – Тоже решил как следует подготовиться к планерке?

Одарив меня ироничным взглядом, Камиль проходит мимо и берется за дверную ручку.

Несмотря на то, что сказанное мной противоречит любому понятию о вновь выросшей между нами субординации, я испытываю чувство глубокого удовлетворения. Потому что, А – мне нравится не теряться в его присутствии. И Б – мне, оказывается, очень нравится, когда Камиль реагирует в своей обычной манере: сдержанно и с усмешкой.

– Через десять минут начинаем, – прилетает мне в спину.

– Главное, не забудь вымыть руки, – парирую я, не удосужившись обернуться. – Ресторанный бизнес не терпит антисанитарии.

Весь мой путь до кабинета с лица не сходит улыбка. С дерзостью вышел перебор, конечно. Хочет уволить – пусть увольняет. Одной дилеммой станет меньше.

Но какой же это кайф снова быть собой и иметь возможность подшучивать над ним. Этого мне не хватало едва ли не больше, чем нашего секса.

По случаю прибытия нового совладельца ресторан не поленились закрыть, так что планерка проходит в зале. Помимо офисных червей вроде меня и Диляры, здесь присутствует весь кухонный персонал, официанты и, разумеется, сам Кокорин.

– Говорят, грядут перемены, – доверительно шепчет Толик, стоящий рядом. – Игорь Станиславович ничего не рассказывал?

Я отрицательно дергаю головой. Да что же вы все такие нетерпеливые? Сейчас Камиль появится, и все прояснится.

Он заходит в зал спустя пару минут, привлекая внимание каждого присутствующего. Гул голосов моментально стихает. Все знают, что Камиль – лучший друг владельца всея «Холмов», и относятся к нему с почтением.

– Здравствуйте все, – говорит он непривычно энергично и громко. – Собрание буду проводить я, так как с сегодняшнего дня являюсь совладельцем этого ресторана.

Напряженное молчание в зале, как мне кажется, становится чуть менее напряженным в эту минуту. Мало кто любит глобальные перестановки, а слово «совладелец» в этом контексте не звучит слишком уж грозно.

– Пару недель нам точно придется встречаться таким составом, а потом вы, скорее всего, вернетесь к привычному

формату встреч с Игорем Станиславовичем и вздохнете спокойно.

Теперь по залу прокатывается волна смеха. Не смеюсь я одна, но лишь потому, что пребываю в состоянии шока. Молчаливый, сдержанный Камиль, из которого порой и лишнего слова не вытащишь клещами, добровольно шутит на публику.

– Для тех, кто со мной не знаком, представляюсь, – все так же бодро продолжает он. – Меня зовут Камиль Асхатович. Цель сегодняшней встречи – это познакомиться с вами, а также собрать предложения по улучшению функционирования ресторана. Насколько я знаю, с недавнего времени Дина занимается его продвижением, – его взгляд безошибочно находит на меня и задерживается на секунду, – но мнение остальных в любом случае будет полезно.

Тишина в зале сменяется жужжащим шумом. Большинство готово прямо сейчас высказаться и в кратчайшие сроки привести убыточный ресторан к процветанию. Будет, кстати, интересно послушать. А то я уже несколько месяцев стратегию продвижения и так и сяк кручу, но результат пока минимальный.

– А деньги за выстрелившую идею заплатят? – тихо бубнит Толик, придвинувшись ко мне еще ближе. – А то у меня есть парочка.

Я иронично кривлюсь и в этот момент вновь ловлю на себе взгляд Камилы. Оценивающе пробежавшись по мне, он

перетекает на моего словоохотливого соседа, после чего возвращается к остальным.

– Мне так жалко Игоря Станиславовича, – слышится то-
ненький голос Диляры. – Он до сих пор даже слова не сказал.

Я ловлю себя на мысли, что она все чаще меня раздража-
ет. И дело вовсе не в том, что я переметнулась в лагерь Ка-
миля и пытаюсь его защитить, а в идиотской потребности
некоторых испытывать снисхождение к тому, кто ничем его
не заслужил. Я и сама обожаю Кокорина, но в этой ситуа-
ции у меня даже мысли нет о жалости в его сторону. С чего
вдруг? Его таланта руководить никто не умалял, а то, что он
проявляет уважение к спикеру и не пытается его перебивать,
на мой взгляд, дает лишний повод им восхититься.

– С появлением нового совладельца у Игоря Станиславо-
вича временно станет меньше геморроя, – отрезаю я. – С ру-
ководящей должности его, как мы видим, никто не снимает,
так что в жалости нет смысла.

На это Диляра мечет в меня осуждающий взгляд. «Бес-
сердечная», читается в нем. Меня это несколько не трогает.
Благодаря таким бессердечным, как я, свободно существуют
такие, как она, ждущие, что кто-то вытрет им сопли и уте-
шит. Вот в чем разница между нами: я не люблю жалеть кого
бы то ни было, потому что жалость для меня унижительна.
Для Диляры же она – признак добродетели.

– Подскажите, а предложения нужны в письменном виде
или электронном? – тоном примерной ученицы спрашивает

она, вновь повернувшись к центру зала.

– Как угодно. – Глаза Камиля вспыхивают усмешкой. – Но в силу своего возраста, предпочел бы получить их старинке: на бумаге.

Вот теперь меня разбирает смех. Чертов мамонт. Это ведь булыжник в мой огород.

– Скажу на всякий случай, что бизнес-ланчи для сотрудников останутся в силе, – добавляет он, на что кто-то особо веселый даже пытается аплодировать.

Спустя минут двадцать так называемая планерка подходит к концу, и мы расходимся по своим рабочим местам. Промежуточные итоги встречи такие: кардинальных изменений внесено в ближайшее время не будет, и продвижением по-прежнему занимаюсь я, правда, и отчитываться теперь придется не только перед Кокориным, но и перед новым совладельцем. Возможно, по необходимости будет увеличен бюджет на рекламу.

– А Камиль Асхатович приятный такой, – подает голос Диляра, идущая со мной рядом. – Я раньше его побаивалась, а он, оказывается, говорит так красиво и даже шутит.

Все, что мне остается – это закатить глаза. Ясно, что это была показуха для сотрудников. Долго шутить он не будет.

– А еще он красивый такой, – не желает смолкать коллега. – Хотя и взрослый. Интересно, он встречается с кем-то? Я бы попробовала с ним. Если уж со сверстниками не складывается.

Поперхнувшись воздухом, я продолжаю идти молча. Сдается мне, Диляра переоценивает значимость макияжа. Думает, что с Камилем будет проще, чем со сверстниками? Ну-ну. Он перемелет ее косточки в муку, а сердце прожует и выплюнет. Я-то знаю.

Хотя после планерки Камиля я не видела почти неделю, его присутствие незримо ощущалось в коридорах «Холмов». Работая за компьютером, мне чудился его голос, а запах его туалетной воды, казалось, пропитал воздух в вестибюле. Ну, или я все это придумала, и так эффективно работает самовнушение.

В любом случае, мысль о том, что мы в любой момент можем столкнуться, держала меня в тонусе. Я стала более щепетильно относиться к своему внешнему виду, перестав пренебрегать макияжем, и всегда проверяла, заперла ли туалетную дверь. Самое паршивое заключалось в том, что это призрачное ожидание мне нравилось. Я по-прежнему не допускала мысли о возобновлении отношений с ним, но приезжать на работу однозначно стало интереснее.

– Самый красивый женский коллектив у меня, – заметил в один из своих визитов в наш кабинет Игорь Станиславович. – Жена узнает – начнет ревновать.

Диляра, сидящая при полном макияже и укладке, порозовела от такого комплимента, а меня напротив, разобрал смех. Мы с ней последние дни и правда будто соревнуемся, кто завоюет титул «Мисс Холмы». Надо бы сбавить обороты.

И как назло, именно в тот день, когда я решаю сбавить эти самые обороты и прихожу на работу с немойтой головой и во

вчерашней рубашке, то в коридоре сталкиваюсь с Камилем. Волосы у него, разумеется, идеально чистые, а рубашка выглядит так, будто ее накрахмалили сказочные феи.

– Привет, – первым здоровается он, по обыкновению выразительно меня оглядев. – Куда бежишь?

– В свой кабинет, – не слишком любезно буркаю я, растерявшись от столь внезапной встречи.

– Спускайся в ресторан минут через пятнадцать. Кофе по-пьем.

Еще до того, как я успеваю хоть что-то ответить, Камиль выуживает из кармана брюк завопивший телефон и отвечает на звонок. Мне остается только прокряхтеть «угу» и продолжить путь.

Вот так легко он может снова отдавать мне распоряжения, невзирая ни на что. Все же деньги, а вернее, власть и независимость, которые они дают, стоят того, чтобы попотеть. Будь у меня их столько, сколько у Камиля, я бы из вредности купила часть его автосалона, просто ради возможности набрать его номер и без прелюдий сказать: «Надо перетереть кое-что в срочном порядке, мамонт. Тащи свой накачанный зад туда-то».

– Если Игорь Станиславович будет меня искать – скажи, пусть звонит на мобильный, – инструктирую я Диляру после того, как отсидев за компьютером минут пять, снова встаю.

– А ты куда? – непонимающе интересуется она.

– В ресторан. Новый совладелец хочет о чем-то перегово-

ритель.

Судя по взгляду, Дилера в ближайшее время сделает куклу Вуду, напишет на ней мое имя и утыкает канцелярскими булавками. Да-да, я помню о ее внезапной симпатии к Камиллю. Надеюсь, она не думает, что встреча с ним – это часть моего коварного плана по разрушению ее счастья. Кстати, только ради ее спокойствия я не стала подкрашивать губы и смотреться в зеркало, хотя не помешало бы.

– Привет еще раз, – деловито говорю я, подходя к столу, за которым уже восседает Камиль.

– Ты еще не здоровалась, а просто проворчала что-то в ответ, – с усмешкой говорит он и кивает на стул. – Присаживайся, пожалуйста.

Скрипнув зубами, я сажусь. Все-то он замечает, когда не нужно.

– Уже обедала?

Я киваю.

– Разумеется. У нас здесь четкий режим.

– Десерт и кофе? – Камиль поднимает руку.

– Я стала выглядеть слишком стройной? – не успев подумав, язвлю я. – Что-то ты часто стал предлагать мне десерты.

– Не помню, чтобы для тебя это когда-то было проблемой, – парирует он. – Выбери какой-нибудь на свой вкус. Мне будет приятно.

Я нарочно прошу Алексея принести самый дорогой кусок

торта, чтобы уж ублажить новоиспеченного шефа как следует. А вместо капучино прошу гляссе с ореховым топпингом. Кто увидит нас со стороны – точно решит, что это никакая не деловая встреча, а свидание. А это ведь деловая встреча, верно?

– Для чего ты меня позвал? – спрашиваю я, уставившись ему в глаза и стараясь в этот момент не думать, насколько грязными выглядят мои волосы. – Надеюсь, не десерты де-густировать.

– Нет, не для этого, – голос Камиля звучит серьезно, но взгляд искрится весельем. – Может, все-такиждемся, пока принесут торт. А то ты выглядишь недружелюбно настроенной.

– Не помню, чтобы тебя это пугало.

– Ладно, – усмехнувшись, отвечает он. – Хотел обсудить перспективы работы ресторана. Нужно твое мнение. В формальности выражений нет нужды. Расскажи своими словами: как видишь стратегию развития и в чем заключаются основные затыки, по твоему мнению.

Теперь приходит мой черед усмехаться. Потому что я искренне не понимаю, для чего он его купил.

– Основной затык заключается в том, что это ресторан при отеле, разумеется. Если у него нет мишленовских звезд или заоблачного рейтинга на Трипэдвайзере, никто не станет воспринимать его всерьез. Ну кому из туристов хочется сутками торчать в четырех стенах, когда можно просто перейти

улицу и налопаться бургеров и суши в культовых заведениях.

– Понимаю. А на чем сейчас делают основную прибыль?

Веселье полностью исчезло из его глаз, уступив место сосредоточенному выражению. Меня даже посещает ностальгия по тому времени, как мы сидели в его кабинете в авто-салоне, устраивая мозговой штурм.

– Заказы в номер по вечерам и завтраки. Ну и еще чай и кофе для тех, кто любит устраивать встречи в лобби.

– Понял. А что по стратегии. Каково твое личное видение развития?

Этим вопросом Камиль попал в яблочко, ибо говорить об этом я могу часами, что я начинаю делать, напрочь забыв о прошлых разногласиях.

– Покажешь потом результаты того, что уже внедрила, – говорит он, когда мой эмоциональный монолог, наконец, стихает. И, тронув тарелку с моим нетронутым десертом, с улыбкой добавляет: – Ешь давай. Выглядит неплохо.

Я снова ловлю себя на том, что броня, выросшая за время, что мы не виделись, вновь трескается. Когда Камиль берет на себя труд быть милым, ему сложно противостоять.

– А как у тебя дела? – спрашивает он, пока я ковыряю десерт. И тон у него в этот момент очень личный, что ложка в моей руке дергается.

– У меня все хорошо, – отвечаю я, на секунду встречаясь с ним глазами. – Живу, как видишь. Работаю.

В своем ответе ему я не пытаюсь играть или огрызаться.

Полчаса, проведенные наедине, смягчили меня и обезоружили.

– И как там, кстати, моя замена? – добавляю я через паузу. – Справляется?

– Справляется, – кивает Камиль, который, в отличие от меня, ни разу не отвел взгляда. – Но тебе и в подметки не годится.

«Неплохо бы еще обсудить вывеску и подумать над летней террасой», – печатаю я по пути в свой кабинет.

«Что думаешь по поводу бизнес-ланчей? Не скатит нас до уровня кафе?»

Только вовремя поднятый взгляд спасает меня от того, чтобы не врезаться в дверь. Притормозив, я продолжаю увлеченно молотить пальцами по экрану:

«Если будем подавать оливье с колбасой и борщ, сваренный на тушенке, то точно скатит. С ланчами я подумаю. Стоит оно того, или нет».

«Договорились».

Вернувшись на свое рабочее место, я не сразу ныряю в монитор, а еще какое-то время покачиваюсь в кресле с блуждающей улыбкой на губах. С появлением Камиля в «Холмах» моя жизнь словно повернула вспять. Я снова разрываюсь между двумя проектами и откровенно от этого кайфую. Снова засыпаю, обуреваемая новыми идеями, снова встаю без будильника и приезжаю на работу заряженная бодростью, не прибегая к допингу в виде кофе. Я обожаю Кокорина, но при всем моем уважении к нему, сотрудничество с Камилем – это какой-то другой уровень взаимопонимания.

Ты, главное, не переходи грань делового взаимодействия и ничего себе не придумывай, – строго напоминаю я себе. –

И обмен сообщениями не принимай на свой личный счет. Просто радуйся тому, что его имя больше не отзывается обидой и болью.

А тут же возражаю самой себе: Эй, да за кого ты меня принимаешь? Второй раз вставать на те же самые грабли? Я не дура, вообще-то.

Дура не дура, но то, что теперь мое настроение вальсирует на отметке «эйфория», отрицать нельзя. Правда я и этому нахожу логическое объяснение. В последнее время мне стало не хватать привычной гонки и работы в условиях многозадачности. С приходом Камиля все это я снова получила. Если Игорь Станиславович обычно выслушивает мои предложения и либо утверждает их, либо отклоняет, что, к счастью, бывает редко, то Камиль приходит со своими идеями и со своим упрямым видением. И даже если я не всегда их разделяю, это становится поводом посмотреть на проект под другим углом.

– Я сегодня уйду пораньше, – приблизительно за час до окончания рабочего дня вдруг объявляет Диляра.

Оторвав взгляд от монитора, я вижу, как она тщательно красит губы и приглаживает волосы, и решаю не игнорировать очевидное:

– Идешь куда-то?

– Меня пригласили на свидание, – немного заносчиво звучит в ответ. Видимо, в мыслях коллега все еще воюет со мной. – У Игоря Станиславовича я, если что, отпросилась.

Я желаю ей отлично провести время, но про себя скептически качаю головой. Ну кто же отпрашивается с работы на первое на свидание? Если парень действительно заинтересован, то не развалится – часок подождет. Эх, Диляра-Диляра. Пытаться быть удобной в отношениях еще на начальном их этапе – это путь в никуда. Но раз уж я сняла с себя роль мамочки, то нужно позволить ей набивать свои шишки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.